

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**МОЕ
ПРЕКРАСНОЕ
АЛИБИ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Фотоколлаж на обложке *В. Коробейникова*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Мое прекрасное алиби / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Аб-
дуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-699-88203-8

Вся беда в том, что его всегда недооценивали. И когда он ликвидировал Француза, и когда убирал Резо — этих и других главарей мафиозных синдикатов. Его ждали внизу, а он убегал вверх. Его ловили далеко от места преступления, а он оказывался рядом с очередным трупом. И никто не мог заподозрить, что вот этот невзрачный, бедно одетый инвалид и есть суперкиллер, суперпрофессионал. И у него всегда с собой такое прекрасное алиби...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016
ISBN 978-5-699-88203-8

Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместителище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее.

Монтень

ГЛАВА 1

Эпизод первый

Мне всегда не нравится иметь дело с опытными образцами. А здесь мне придется пользоваться этой идиотской винтовкой Симонова, у которой в решающий момент может просто заклинить затвор из-за перекоса при стрельбе. Правда, жаловаться уже поздно. К тому же я успел пристрелять эту чертову винтовку. Теперь нужно сидеть на холодном чердаке и ждать, когда появится этот толстомордый банкир.

Обычно я очень внимательно смотрю в лица своих «клиентов». Ничего достойного, как правило, в них нет. Хотя, может, это я так просто успокаиваю себя. В конце концов, все мои «клиенты» — это почти стопроцентные кандидаты в покойники, и спасти их не мо-

жет даже чудо. Но когда я смотрю им в глаза, я понимаю, что они вполне заслужили такой участи. Никто просто так не убивает. Никого просто так не убивают. Нужно быть очень большим мерзавцем или знать очень много, чтобы тебя решили убрать. С мерзавцами, конечно, понятно. А вот при большом знании нужно еще иметь и неболтливый язык. Как правило, тайна переполняет человека, и он спешит поделиться ею с первым попавшимся. И тут же прокалывается, получая пулю в лоб.

На этом чердаке холодно, и очень может быть, что домой я приеду с новым приступом радикулита. Правая рука уже онемела, хотя я, конечно, в перчатках.левой легче, она ничего не чувствует. Перчатки у меня хорошие — плотные, утепленные. Я могу выдержать и больший холод. А вот куртка жидковата. Нужно срочно менять. Правда, взята она всего «на один сезон». Завтра я уже сожгу эту курточку, и от нее останутся одни воспоминания.

Нет, я не жадный. При моих деньгах я мог бы одеваться и получше. Но на работу нельзя.

Просто нельзя. Нужна именно такая китайская куртка, когда видно, что ее обладатель живет на скромную пенсию или умирает от голода на какое-нибудь пособие.

Дверь открылась. Внимание. Я смотрю вниз. Конечно, у этой винтовки нет даже оптического прицела, хотя он мне и не особенно нужен. Расстояние — метров пятьдесят. Я все прекрасно вижу и, конечно, уложу этого типа первым же патроном. На всякий случай у меня с собой четыре. Этого вполне достаточно. Есть негласное правило — если не смог поразить цель первыми двумя выстрелами, потом уже ничего не сможешь сделать. Не вести же мне бой на этом чердаке с охраной банка и милицией, которая появится здесь через пять минут, райотдел почти рядом. Поэтому четырех патронов вполне достаточно, даже с запасом.

Водитель сел в машину. Кажется, сейчас появится мой «клиент». Обычно он выходит один. Это я уже точно знаю. Дураки обычно считают, что моя работа состоит из нескольких выстрелов. Приехал, нашел «клиента»,

выстрелил, уехал. Ничего подобного. Это для дилетантов, которые чаще всего и попадают. Моя профессия требует знания психологии, умения хорошо ориентироваться на местности, терпения, выдержки. Здесь нужно быть немного актером, немного циником, немного каскадером, немного сумасшедшим. Легче всего подойти к человеку и нажать спусковой крючок. А потом через пару дней родная милиция постучится к тебе, и твоя «вышка» тебе уже светит ярким светом. Или пожизненное, если кретины, собравшиеся в этом совете по помилованиям, решат, что ты достоин еще отравлять атмосферу своим грязным дыханием.

Так они засудили Павла. Сначала судья дала ему «вышку», и это было справедливо. Все-таки трое из доказанных «мертвяков» висели на его шее. Один из них был пахан, тот самый вор в законе, про которого писали газеты. Павел получил свою «вышку» и сразу был переведен в особую камеру с надежной охраной, где он спокойно сидел, ожидая, когда любимый сержант пустит ему пулю в за-

тылок. Но ведь не получилось. Эти писатели, гуманисты, демократы, собравшиеся в совете, решили, что Павла еще можно исправить. Или перевоспитать. И ему дали пожизненное. Хотя для чего перевоспитывать, если человек все равно будет сидеть в тюрьме? По-моему, честнее его просто пристрелить. С этого дня у Павла начался ад. Конечно, его опустили, то есть насиловали всей камерой. Это Павла, такого парня. Но убийство пахана в зоне не прощается. Говорят, у него шла изо рта пена, когда его трахали. Вот что наделали эти гуманисты. А потом он повесился. Жить в зоне петухом нельзя. Это самое страшное, что может быть. Даже страшнее смертной казни.

Кажется, наконец идет и мой «клиент». Все-таки объективно отвратительная морда. Конечно, жулик, так обманывать людей. Читал я статьи про него, немного расспрашивал. Не люблю стрелять в незнакомых людей. Здесь нужно готовиться основательно. А Павел всегда на подготовку не обращал никакого внимания. Отчаянный был, смелый. Ему казалось, только выстрелить — и все. «Даль-

ше посмотрим», — любил он говорить. Часто даже отхода для себя не продумывал. Вот и погорел, дурачок.

Как мне все-таки не нравится эта винтовка. Идет к машине. Как я и думал, один. Теперь спокойно, берем его на прицел. Я всегда стреляю в лоб. Это очень надежно, хотя и труднее попасть. Но гарантия абсолютная. У кого-то может быть пуленепробиваемый жилет, и тогда горит ясным пламенем вся моя подготовка. Ну все, он у меня на мушке. Спокойно его ведем. Сейчас...

Конечно, я попадаю первым же выстрелом. Дернулся, упал. Для верности еще один выстрел уже в падающее тело. Теперь быстро уходить. Там, внизу, крики, выбегает охрана, водитель еще, кажется, не сообразил, в чем дело, так и сидит в машине. Бросаю винтовку, чтобы я еще раз пользовался этой гадостью? Осмотрелся. Я не курю, поэтому окурков и спичек быть не может. Кажется, все в порядке. Быстрее вниз.

Конечно, дилетант будет убегать из всех сил. А я не дилетант, я профессионал. Поэто-

му я не убегая. Я бегу к убитому, еще раз убедиться в надежности моей работы. Посмотрите, какая собралась толпа. На чердак уже бегут дежурные милиционеры и охранники. Пусть бегут, все равно у них ничего не получится. Там только эта идиотская винтовка. Пытаюсь пройти ближе. Меня сильно толкают.

— Куда прешь? — кто-то орет сзади.

— «Скорая помощь» нужна! — кричат из толпы.

Это мне совсем не нравится. При чем тут «Скорая помощь»? Его душа должна быть уже на небесах. Я все-таки с трудом проти-скиваюсь внутрь.

Так и есть. Конечно, он мертв. Все-таки винтовка была отвратительная, второй выстрел попал в плечо. Пальто еще совсем новое, модное. Могло детям остаться. У убитого двое сыновей, один в Англии учится, ростом как раз с папашу.

Наконец приехала и «Скорая». Пусть пощупают, это уже бесполезно. Сверху слышу крики:

— Сбежал, ушел.

Пусть кричат, все равно меня никто не заподозрит.

— Как он мог уйти? — кричат снизу.

— Осмотри соседний дом.

Вот дураки, соседний дом. Каким нужно быть идиотом, чтобы спрятаться в этом тупике. Нет, я здесь, рядом с убитым. И никто никогда меня не заподозрит. Кого угодно, но только не меня. Я еще раз смотрю вверх. Расстояние было приличное. Неплохо получилось.

Вот наконец появилась и родная милиция. Теперь будут оцеплять здание, проверять у всех документы.

— Разойдитесь! — кричит кто-то громким голосом.

Я медленно иду к ограде.

Там уже записывают показания свидетелей.

Стоявший у окна охранник рассказывает о моем выстреле так живописно, что мне хочется остановиться и послушать. Но не стоит перегибать, теперь я могу уйти.

Около машины стоит сержант.

Скоро он будет проверять документы у всех подряд.

Но меня пропустят в любом случае, даже не спросив документов. У меня есть такое прекрасное, абсолютное алиби — моя левая рука. Оторванная еще шесть лет назад в Джелалабаде, она свидетельство моей благонадежности и честности. Я инвалид войны, и никто в целом мире никогда меня не заподозрит. Трудно поверить, что хладнокровный убийца-снайпер — это идущий теперь по двору в заячьей шапке и дешевой китайской куртке инвалид без руки. Что угодно, но только не это. А мне, чтобы нормально выстрелить, вполне хватает и одной правой. Она меня и кормит все последние годы.